

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРАТЮРКСКОГО ЯДРА

С.Г. Боталов

**Южно-Уральский филиал ИИА Уральского отделения Российской Академии наук,
г. Челябинск, Россия**

Степные комплексы Урало-Поволжья и Казахстана гуннского и постгуннского периода образуют три примерно равные группы. Первую составляют курганы и бескурганные погребения с северной ориентировкой, с гробовыми конструкциями и черепной деформацией в отдельных погребениях, а также со скелетом, шкурой, черепами коня (быка, верблюда) или без таковых (Шипово (к-ны 2,3), Беляус, Владимировка, Большой Токмак, Верхнее-Погромное, Ленинск, к-н 3, Сопка п. 688, Ераска). Вторую курганы – кострища, с зафиксированным в некоторых обрядом кремирования (Остроголовка (Д 18, 19), у с. Ровное (к-ны 42, 47), Высокое (Е 7), Краснополье (Е 14), Усть Караман (Е 13. г. Покровск (к-ны 2, 3, 11, 17, 18), с. Бородаевка (к-н 5), Новогригорьевка, Аркаим). Третью составляют курганы или одинокие погребения со скелетами или шкурой коня, восточной или северо-восточной ориентировкой (Зеленокумское, Егиз-Койтас, Кубей, Энгельс (к. 36, п. 2), Жарлы 2 к-н 1. На наш взгляд, данная ситуация довольно точно отражает этнокультурную неоднородность населения восточноевропейских и Урало-Казахстанских степей в V-VI вв. Основные интегрирующие черты, объединяющие комплексы первой группы позволяют связать данные памятники с хунно-гуннским историко-культурным комплексом [Боталов, 2003, с. 113-124]. Однако в отличие от гунно-сарматских в комплексах данного периода появляется новая устойчивая традиция: положение в погребение шкуры лошади или быка, верблюда, как правило, в ногах умершего. Эта черта также появляется в постгуннских лесостепных памятниках, типа Комитерновский II или Турбаслинских (Кушнаренковский, погр. 2, 27) и в джетыассарских памятников (Алтынасар 4, к-ны 266, 488).

Появление столь важной традиции на гуннском и постгуннском этапе сложно объяснить однозначно. На первый взгляд, традиция положения черепов и шкур крс, лошади и м.р.с. в специальных нишах внутри могильных ям является важнейшей чертой хуннского ИКК Монголии, Северного Китая и Забайкалья [Боталов, 2003, с.107, рис. 5,6]. Однако весьма трудно предположить, что эта черта вдруг неожиданно реминисцирует спустя пятьсот (и более!) лет. Тем более, что в поздних хуннских, шурмакских и кокельских памятниках Тувы, как и в гунно-самратских в Урало-Казахстанских степях, данная черта погребального обряда отсутствует [Кызласов, 1979, с.88-93, 95, 115-117; Das Grдberfeld ..., 1984, р. 123, 25, 109-112, 114, 117, 118, 122, 127, 138-142; Данченко, Нестеров, 1989, с.95-98]. К этому следует добавить, что в данный период изменяется характер обустройства подобных жертвенников. В отличие от хуннских, преобладающим становятся шкуры, скелеты и черепа лошади, которые располагаются не в головных нишах, а в ногах или сбоку от ног покойника. Учитывая, что появление и закрепление данной черты погребального обряда совпадает с особой тенденцией изменения ориентационного сектора покойников в направлении СВ, В, которая становится господствующей в последующий период (VII-VIII вв.) для кочевнических памятников с обрядом ингумации со скелетом или шкурой лошади: в раннеболгарских памятниках Среднего Поволжья: Новинки, Рождественский III, Брусяны, Шелехметский II и др. [Матвеева, 1995; Седова, 1995; Сташенков, 1995], (Осиповка, Кривая Лука) [Богачев, Мышкин, 1995; Федоров-Давыдов, 1984], а также в кочевнических комплексах южнорусских степей: Крупское, Чапаевск, Червоноармейское, Портовое, Дымовка, Белозерск, Якинево, Картаризовое, Сивашовка [Засецкая, 1994, с.166, 170, 192; Айбабин, 1985; Археология Украинской ССР, 1986, с.226-227]. К этому следует добавить, что погребения с восточной и северной ориентировкой, конями или его шкурой не редки среди раннеаварских и раннеболгарских памятников Паноний [Балинт, 1995, с.43, 44; Эрдели, 1986, с.317-328]. И еще об одном важном изменении, на фоне общеизменяющегося состава категорий и типов вещевого инвентаря, связанного с хронологическими особенностями, не может не обратить на себя внимание следующая особенность. Примерно с V в. В степных памятниках начинает превалировать вещевой комплекс, основные типы которого имеют Саяно-Алтайское и Восточно-Туркестанское происхождение (типы конской узды, седла, наконечники стрел, колчанные Т-образные крючки, котлы). Важнейшей чертой является исчезновение керамической посуды в абсолютном большинстве погребений. Думается, что поиски истоков обозначенных традиций следует искать в районах, расположенных восточнее Урало-Казахских степей. В этой связи интересные материалы по гунно-сарматской эпохе (последние века до н.э. – первые века н.э.) происходят из погребальных комплексов Южносибирского Алтая и Восточного Туркестана. Наличие ряда разнокультурных групп среди памятников этих регионов в определенной мере указывают на схожий деструктивный характер гунно-сарматского этапа культур Алтая и Синцзяна, аналогично тому периоду,

который падает на гуннское и постгуннское время в Урало-Казахстанских и Восточноевропейских степях.

На сегодняшний момент большинством авторов выделяются несколько культурных типов последних веков до н.э. – первых веков н.э., определяющих этнокарту всего Сибирского Алтая.

Наиболее крупную группу составляют памятники типа Булан-Коба, которые располагаются, в основном, в бассейне р. Катунь. Его составляют каменные курганы с индивидуальными захоронениями в могильных ямах с каменной выкладкой или каменными ящиками. Ориентировка покойников в восточный сектор (Булан-Коба IV, Белый Бон II, Бике курганы: 10-13, 15-18, 20-23, 26, 27; Усть-Эдиган, к-ны 18, 25, 27; Айрыдаш, Иня, Кызыл-Таш, к-н 21) [Мамандаков, 1985, с.173-189; Глоба, 1983, с.116-126; Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с.62-84; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990; Суразаков, 1987, с.232-233; 1986, с. 203; 1987, с. 284; 1995; Соснов, Эбель, 1998].

Очень существенной чертой является наличие отдельных погребений лошадей или черепов лошади на некоторых буланкобинских могильниках (Булан-Коба IV; Бике, Кызыл-Таш) [Мамандаков, 1985, с.177, 179, рис.2, 3; Кубарев, Киреев, Чесмин, 1990, с.60-61, рис. 22-24; Соснов, Эбель, 1998, с.164, рис.1]. На наш взгляд, к этому же кругу памятников могут быть отнесены и комплексы первых веков н.э. Могильник Пазырык (к-ны 23, 24) и Балактыюльского могильника, расположенных в верховьях Башкауса [Сорокин, 1977].

Особенность этих комплексов состоит в том, что в Балактыюльском могильнике покойники лежали в деревянных колодах. Наличие деревянных рам и, вероятно, гробов также отмечается в некоторых Буланкобинских комплексах [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с.81-82, рис.45; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, с. 89, рис. 4; 107-108, рис. 18, с.114, рис. 17].

Особую группу составляют комплексы берельско-раннекатандинского круга, расположенные в Южной, Юго-Восточной части Горного Алтая. Их составляют каменные курганы и погребения с конем на ступеньке. В Берельских комплексах (Берель к-ны 2,3; Янокур к-н 5; Кокса к-н 1; Усть-Эдиган к-ны 15, 22; Ороктой к-ны 1, 14) ориентировка головы покойника и морды лошади в восточный сектор. В раннекатандинских (Катанда к-ны 5-7; Усть-Эдиган к-ны 1, п.3, 23; Ороктой к-ны 2,3) ориентировка покойника и лошади на запад.

И, наконец, особую локальную группу образуют погребения кокпашского типа (Кок-Паш, Коо I), расположенные в Среднем течении р. Башкауса (Северо-восточный Алтай) по ряду схожих признаков к этому же типу также можно отнести несколько курганов долины р. Катунь (Усть-Эдиган, к.1, п.2; Ороктой, к.16) [Елин, Васютин, 1984, с.35-38; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, с.11, рис.15; с. 122, рис. 27]. Основной отличительной чертой этого типа является необычная (для Алтая) южная ориентировка покойников. Другие черты погребального обряда этих курганов: каменно-земляная насыпь или кольцевые выкладки, погребения в каменных ящиках, в деревянных колодах, с деревянными рамами, обкладка стенок могильных ям булыжниками и др.; удивительным образом сближают эти комплексы с Буланкобинскими. Общей традицией для всех памятников гунно-сарматского времени является отсутствие или крайне малое количество керамической посуды в погребениях. По всей видимости, отказ от использования керамической посуды был своеобразным погребальным явлением для кочевого населения Алтая II в. до н.э. - первых веков н.э.

При первом же взгляде, как нам кажется, очевидна культурная преемственность основных двух первых типов с каракобинскими памятниками предшествующего этапа VI-III вв. до н.э. Берельско-раннекатандинские памятники, несмотря на свою относительную немногочисленность, своеобразно продолжают эстафету от комплексов пазырыкского круга к раннесредневековым памятникам катандинско-кудэргинского типа, о чем уже указывалось автором [Боталов, 1996, с.199]. Промежуточное положение между пазырыкскими и берельскими памятниками, как нам представляется, занимают памятники типа Шибе и Айрыдаш III (III-II вв. до н.э.) [Степная полоса..., 1992, с.169-171]. Таким образом, в данном случае мы не склонны полностью отрицать тот факт, что, бесспорно, просматривается определенная линия эволюционного развития постпазырыкских памятников в комплексах раннетюркского облика, хотя и то, что крайняя малочисленность комплексов последнего века и до первого века н.э. указывает на то, что в Алтайском ареале в это время действительно происходили какие-то коренные преобразования, которые, скорее всего, были обусловлены притоком нового населения.

Таким образом в регионе Сибирского Алтая традиция погребений с конем или с костями, восточные ориентировки покойников сложились в древнейшее время и продолжали свое развитие в основных культурных типах гунно-сарматского периода. Обращает на себя внимание, что в это же время из погребений исчезает или резко сокращается керамическая посуда. Вероятнее всего, в данный период в Алтайском ареале закладываются основные черты тюрко-телесского ИКК. Аналогичные процессы демонстрируют отдельные погребальные комплексы Синцзяна. Наряду с большим массивом

исследованных в долине р. Или и Восточном Притяньшанье памятников сако-усуньского историко-культурного комплекса (V-II вв. до н.э.) (каменные курганы, кольцевые ограды, каменные и деревянные облицовки стен и перекрытия могильных ям, западная ориентировка покойника) (Наньвань, Темулткэ, Хэйшаньтоу, Мучан, Халатубай, Цюньбакэ, Айдин, Субаши, а также могильники Содунь булак, Чавахагоукоу, Шанхусян и др. [Опалев, 2000, с. 201-202; Синьцзян Куэрайши..., 1999, с.32-37; Синьцзян Шаньшань..., 1984, с.41-44; Синьцзян Синьюань..., 1988, с.59-64; Синьцзян Луньтайсянь..., 1991, с.684-693; Синьцзян Хэцзинсянь..., 1990, с.511-517; Синьцзян Шихэцзы..., 1999, с.38-46; Синьцзян Синьюань Гуннайсы..., 1985, с.21-25; Синьцзян Чабучаэрсянь..., 1999, с.17-28; Лю Баошань..., 1998, с.3-11; Шанньшань Субэйша..., 1997, с.138-149; Шанньшань Субэйша..., 1997, с. 150-170; Чабучаэрсянь Содуньбулакэ..., 1997, с.371-385], в гунно-сарматское время здесь появляются комплексы (Чаухугоукоу3; Ярхото), которые характеризуют каменные курганы, вымостки, ограды или бескурганые захоронения в прямоугольных могильных ямах с деревянными гробовыми конструкциями или каменными облицовками или перекрытиями. Погребение с конем или костями черепа скелета расположены сбоку, на ступеньке или в ногах покойника. Наиболее устойчивую восточную ориентировку демонстрируют погребения из могильника Чаухугоукоу 3 [Хэцзинсянь Чаухугоукоу..., с.233-260]. Погребение могильника Ярхото имеет неустойчивый сектор ориентации с преобладанием в ЮЗ сектор [Молодин, Кан Ин Ук, 2000]. Кроме того, в Турфанском оазисе в последние годы продолжаются исследования саксонского курганного могильника Янхай 2. По сообщению профессора Лю Энь Го в погребении 242, относящемся к III в. до н.э. представляло собой курганный комплекс с захоронением коня на подкурганной площадке и подбойное захоронение (подбой заложен деревянными бревнами) головой на Запад. Что касается вещевого комплекса данных памятников, то здесь аналогично, как и на Алтае резко сокращается количество керамической посуды.

Приведенные наблюдения позволяют предполагать, что схожие черты погребального обряда, проявляющиеся в отдельных группах памятников Алтая и Восточного Туркестана на гунно-сарматском этапе, легли в основу формирования здесь тюрко-телесского комплекса, распространившегося в V-VI вв. Вначале с уходом, а затем с разгромом гуннской орды на запад, в Урало-Казахстанские и Восточноевропейские степи. Носителями этих традиций первоначально, вероятно, стали тюркокультурные племена ранних болгаров (оногуры, кутригуры, савиры) и аварского союзов племен, активно смешивающиеся с остатками гуннского населения в пределах степей и лесостепей Центральной Евразии. В этой связи временной этап V-VI вв. Для территории Урало-Казахстанских степей правомерно наименовать двойным названием: постгуннским или раннетюркским.

По всей вероятности другая тюркокультурная традиция – курганы, кострища и большие мегаплановые сооружения (пантеоны) в виде прямоугольных наземных сооружений (ориентированных длинными сторонами З-В) с квадратными каменными оградками внутри них или так называемые курганы с «усами», которые ранее были отнесены также к раннетюркским памятникам [Боталов, 1996; 1998; 2000, с 289-317], формируется также в пределах Восточного Туркестана. В пределах Синцзянского Алтая известны комплексы, относящиеся к очень раннему периоду (энеолит – ранняя бронза), которые демонстрируют традицию больших наземных сооружений прямоугольной формы, ориентированных длинными сторонами З-В, у восточной стороны которых установлены изваяния лицом на восток. Речь идет об известном памятнике Кэрмуци (Чермучек), который многократно использовался в раннесакский и раннетюркский периоды.

В этом же районе в 2005 году нам удалось обследовать еще один интересный комплекс, который называется Табатэ (Кучьгайтэ). Он расположен на левом берегу р. Цинголи-хэ в 5 км ССВ от уездного центра Циньхэ. Восточная часть комплекса представляет собой каменную вымостку, внутри которой у южного края просматриваются две квадратные оградки со сторонами 1,5-2 м, расположенные по линии С-Ю. От этой вымостки на восток отходят две каменных вымостки – южная длина до 95 м более похожа на каменный слегка изогнутый мыс, оканчивается каменной округлой оградкой (розеткой) диаметром до 2 м. Северная похожа на подпрямоугольную стенку длиной 85 м, завершается каменной вымосткой шириной до 3,5 м, на конце которой располагается квадратная ограда со сторонами 9-10 м. на восточном ее краю лицом на восток установлено каменное изваяние, относящееся к раннетюркским образцам [Ван Бо, Ци Сяо Шань, 1995, с. 57, 165].

Таким образом, данный комплекс представляет собой синкретический памятник, который включает три тюрко-культурных традиции: алтайский тюрко-телесский (квадратные жертвенно-поминальные ограды с каменным изваянием у восточного края), монгольский (подпрямоугольные пантеоны, установленные по линии З-В и, наконец, урало-казахстанские традиции – сооружение курганов с «усами». Пока трудно найти однозначный ответ почему основной зоной тюркского культуругенеза являются Синцзянские предгорья Тань-Шаня и Алтай. Однако, бесспорен тот факт, что

формирование пратюркского ядра напрямую связано с сако-усуньским культурогенезом означенного региона.

Литература на русском языке.

1. Айбабин А.И., 1985. Погребение хазарского воина // СА, № 3.
2. Археология Украинской ССР. 1986.
3. Балинг И., 1995. Введение в археологию Авар//Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.
4. Богачев А.В., Мышкин В.Н., 1995. Раннеболгарский курган у с. Осиповка // Средневековые памятники Поволжья. Самара.
5. Боталов С.Г., 1996. Волго-Уральские и казахстанские степи в V—VIII вв. (Некоторые вопросы тюркизации Евразийских степей) // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск. – С. 194-209.
6. Боталов С.Г., 1998. Раннетюркские памятники урало-казахстанских степей // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара. – С. 321-330.
7. Боталов С.Г., 2000. Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья / Коллективная монография. В 2-х тт., т. 2. Челябинск.
8. Боталов С.Г., 2003. Хунны и гунны // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. – С. 106 – 127.
9. Глоба Г.Д., 1983. Раскопки могильника Белый Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-82 гг. Горно-Алтайск.
10. Данченко Г.П., Нестеров С.В., 1989. Два погребения гунно-сарматской эпохи из Аймырлыгской долины//Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск.
11. Елин В.Н., Ваютин А., 1984. Новые материалы пратюркского времени из Восточного Алтая // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово.
12. Засека И.П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.
13. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990. Курганы Урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск.
14. Кызласов Л.Р., 1979. Древняя Тува. М.
15. Мамадаков Ю.Т., 1985. Новые материалы гунно-сарматского времени в горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Горно-Алтайск.
16. Матвеева Г.И., 1995. О происхождении памятников Новинкинского типа // Культура степей Евразии второй половины I тыс.. Самара.
17. Молодин В.И., Кан Ин Ук, 2000. Памятники Ярхога в контексте гуннской проблемы// Археология, этнография и антропология Евразии, №3(3).
18. Опалев В.О., 2000. Новые материалы по проблеме сако-усуньской культуры в Синьцзяне // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Материалы 4-й региональной археолого-этнографической конференции. Новосибирск.
19. Седова М.С., 1995. Исследование Шелехметовского II курганно-грунтового могильника // Средневековые памятники Поволжья. Самара.
20. Сорокин С.С., 1977. Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Паза // АСГЭ, вып.18.
21. Соснов В.И., Эбель А.В., 1998. Курганы скифского времени с черепами животных на могильнике Кызыл-Таш в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул.
22. Соснов В.И., Эбель А.В., 1998. Раскопки курганов скифского времени на могильнике Кызыл Таш // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии, № 3. Горно-Алтайск.
23. Сташенков Д.А., 1995. Новые детали погребального обряда раннеболгарского времени в Самарском Поволжье // Средневековые памятники Поволжья. Самара.
24. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. 1992. Археология СССР. М.
25. Суразаков А.С., 1987. Раскопки могильника Айрыдаш I // АО 1985. М.
26. Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Погребения хазарского времени из урочища “Кривая Лука” в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово.
27. Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эриган в 1988 г. // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск.
28. Эрдэли И., 1986. Археология Венгрии VI-XI вв. // Археология Венгрии. М.

Литература на европейских языках

1. Das Grdberfeld der hunno-sarmatischen Zeit von Kokel, Tuva Syd Sibirien. 1984. Bech Munche Band 25.